

С.А. Фомичев

«Сон» Софьи

Защищая Молчалина от гнева своего отца, Софья прерывает Фамусова. Действительно ли она не догадывается о побудительных причинах фамусовского негодования («Я гнева вашего никак не растолкую») или смекнула, что тот хочет скрыть что-то неладное, но она находит в свое оправдание удачный ход:

Как давиче вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног.

И тем самым приводит Фамусова в окончательное замешательство. А далее уже трудно, зная привычки отца, заинтриговать его необычным сном. Остается только этот сон придумать...

Б. Томашевский замечает:

«Весь эффект этого рассказа заключается в том, что сюжет сна изобретается по мере рассказа. Отсюда неуверенная прерывистость первого стиха».

Выделенное в отдельную строку слово «трава», очевидно, является смысловым ключом к этому монологу. Анализируя метрику начала монолога, Е. Маймин пишет:

«В третьем стихе — одна стопа; “недостающие” стопы по закону ритмической инерции должны как-то, хотя бы до некоторой степени, компенсироваться; в результате вместо недостающих стоп, естественно, возникает ритмическая пауза, которая предшествует слову “трава”. Но эта пауза обусловлена не только метром. Она оказывается очень уместной и выразительной и в смысловом отношении. Она соответствует внутреннему состоянию Софьи: она ведь выдумывает, она по этой самой причине задумывается и невольно делает паузу, она ведь еще не знает, что именно она “искала”. Но едва только она придумала, едва произнесла слово “траву”, наступает психологическая разрядка, и темп ее речи сразу же ускоряется. Это ускорение, обусловленное психологически, оправдано вместе с тем и метрически; оправдано необходимостью произнесения фразового отрезка, равного пяти стопам, в ином, более коротком “ритмическом импульсе”».

В свою очередь, ритмическая и психологическая мотивировка этой строки подчинена смыслу рассказа. Софья не просто придумывает некий сюжет: она его складывает из отдельных «эпизодов», почерпнутых из сонника.

Обратимся к книге, вероятно, хорошо известной и Софье, и Фамусову: «Новый, полный и подробный сонник, означающий пространное истолкование и объяснение каждого сна, и какого еще сонника, до сего времени на русском языке не бывало; с приобщением старых баб забавной философии, выбранный из сочинений многих иностранных и в сногатадельной науке искусных мужей, Варлаама и Иоанна Кенигсберга, расположенный азбучным порядком» (СПб., 1818). Найдем в этой книжке слово «трава». Оказывается, с ней не все просто — важно, какая она:

«Траву зеленую видеть во сне есть знак здоровья.

Траву увядшую видеть во сне значит болезнь.

Траву скошенную, но еще не собранную видеть во сне, по мнению некоторых, есть сон, предзнаменующий видящему его смерть, ибо она растет только из земли, а не от живых тел».

То есть, найдя, наконец, после первых сбивчивых строк сюжет, Софья оказывается на распутье: какой из поворотов (радостный, печальный или трагический) этого сюжета выбрать. Сначала она пробует первый из них, тем более что, как гласит «Сонник», «луга, виденные во сне, суть знак хороший, обещающий всякое благополучие».

Это приводит к тому, что она даже на минуту забывает о сне и пересказывает явь. Реплика Фамусова («Кто беден, тот тебе не пара») напоминает ей о том, с какой целью начат рассказ, и одновременно подсказывает поворот в сюжете:

«Темноту во сне видеть есть знак, предвещающий жалобу.

Тюрьма, виденная во сне, угрожает обманом, препятствием или же болезнью.

Предки наши, отец, дед, прадед, привидевшиеся нам во сне, значат заботу и печаль о старых и прошедших делах. Если они являются нам во сне веселы и дружелюбны, то значит, что сии дела желаемый нам конец получат. Но ежели они угрюмы и сердиты, то мы должны опасаться противного.

Чудовищ видеть во сне, таких, каких нет в природе, значит тщетную и пустую надежду.

Биться со свирепыми зверями есть сон для бедных счастливый и благополучный, обещает им богатство и зависимость от них многих людей. Богатым предзнаменуется чрез сей сон бесчестие и стыд от людей низкого звания. Часто сей сон значит болезнь, ибо как мы от диких зверей получаем раны, язвы и рубцы, так и болезни нас терзают...»

Впрочем, существовал и литературный образчик истории, рассказанной Софьей. Мотив сна в русской литературе варьировала на разные лады поэзия Жуковского.

Поэтому Грибоедов и предоставляет Фамусову, прослушавшему импровизацию дочери, повторить слегка перефразированные строки из баллады Жуковского «Светлана»:

Здесь большие чудеса,
Очень мало складу.

Фамусов, может быть, и не читал Жуковского, — это Грибоедов шутит, сближая фамусовскую сентенцию с модными стихами.